

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК**

XVII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ В МОСКВЕ

*Сборник научных статей студентов,
аспирантов и молодых учёных
факультета гуманитарных и социальных наук*

7 - 9 октября 2022 г.

**Москва
Российский университет дружбы народов
2022**

СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИИ

<i>Драчева П.И., Мисяutowa E.К., Юдина Ю.П. It's a match! Стратегии поведения молодёжи на сайтах знакомств</i>	<i>246</i>
<i>Дурсина А.Н. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ): возможности и ограничения в современных условиях.....</i>	<i>260</i>
<i>Игнатова Т.А. Трансформации религиозного сознания в период пандемии COVID-19.....</i>	<i>271</i>
<i>Крайнова Д.К. Эмоциональное лидерство в студенческих организациях</i>	<i>280</i>

СЕКЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ

<i>Белков А.Д. Глобальные, региональные и политические вызовы в условиях усиления позиций Турции и Китая в Центральной Азии</i>	<i>290</i>
<i>Гаспарян А.В. Отражение панархизма в утопии Петра Милосердова «Паспорт Фейсбука или Революция ремесленников»</i>	<i>303</i>
<i>Ибрагимова З.Д. Фактор цифровизации в деконсолидации российского общества: цифровые трансформации в современной политике</i>	<i>315</i>
<i>Лю Цзинюань China's contribution and chinese approach to the global governance of public health under COVID-19.....</i>	<i>339</i>
<i>Подобуева В.А. Город как актор международной политики</i>	<i>350</i>
<i>Солина Е.А. Кризис идентичности в эпоху постмодерна: социально-политические импликации</i>	<i>359</i>
<i>Сытник С.И., Прыгунов Е.М. Политическая поляризация на выборах в Бразилии-2022.....</i>	<i>370</i>
<i>Шлыкова Д.Н. Профессиональная стратификация в рамках гиг-экономики как фактор социальной напряженности.....</i>	<i>384</i>

СЕКЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ

А.Д. Белков*

ГЛОБАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ТУРЦИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мир вступил в период мировых кризисов и передела сфер влияния. Распадаются старые военно-политические и экономические союзы, создаются новые. Можно прогнозировать взрывной рост потребностей мировой экономики в новых транспортно-логистических путях, рынках инвестиций капитала, рынках трудовых ресурсов. Всем этим требованиям в полной мере отвечает регион Центральной Азии с его демографическим, логистическим и потребительским потенциалом. Возрастающее значение имеет Транскаспийский логистический маршрут, который проходит от Китая через Центральную Азию в Европу. В условиях обострения геополитической ситуации и санкций в отношении России он имеет все шансы стать заменой логистическим путям, проходящим через Россию. Доставшееся в наследство от СССР военное, политическое и экономическое влияние РФ на страны Центральной Азии на протяжении тридцати лет постепенно утрачивалось. Россия с удовольствием использовала дешевые трудовые ресурсы стран Центральной Азии, осуществляла перепродажу энергетических ресурсов, но не предлагала нового видения совместного будущего, в котором

*Белков Александр Дмитриевич – студент первого курса магистратуры кафедры сравнительной политологии факультета социальных и гуманитарных наук РУДН, научный руководитель – кандидат политологических наук, доцент Казаринова Д. Б.

партнерам предлагалось бы равноправное участие. Интеграционные проекты, инициированные Россией, стали проигрывать в привлекательности китайским и турецким инициативам. Утрата влияния на региональном уровне является для России глобальным политическим и экономическим вызовом. В условиях постепенного ухода США из региона Центральной Азии, а также ослабления влияния РФ, на первый план выходят новые игроки. Прежде всего, это Китай и Турция.

Инициатива Шелкового пути была объявлена Председателем КНР Си Цзиньпином в столице Казахстана Астане в сентябре 2013 года. Глобальная программа «Один пояс – один путь» делится на две части: экономический пояс шелкового пути (ЭПШП) и морской шелковый путь 21 века (МШП). Проект ЭПШП является сухопутным и адресован прежде всего Казахстану, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану. Китай является крупнейшим потребителем нефти и газа. Поэтому китайская экономика заинтересована в доступе к ресурсам Центральной Азии и к их бесперебойным поставкам. После распада Советского Союза было утрачено общее экономическое пространство. У Центральной Азии пропала возможность поставлять нефть и газ по трубопроводам в Западную Европу. Избыток энергоресурсов в регионе Центральной Азии был востребован бурно растущей китайской экономикой и позволил Китаю обеспечить свою энергетическую безопасность. Эта политика стала удачным дополнением к традиционным путям поставки через море, так как Таджикистан, Киргизия и Казахстан имеют общую границу с КНР.

Китай стремится к расширению рынков сбыта за пределами своих границ. В частности, правительство заинтересовано в открытии новых рабочих мест для китайских рабочих за рубежом и в дополнительной загрузке китайских производств через реализацию инфраструктурных проектов в Центральной Азии. Регион Центральной Азии для

своего развития нуждается в импорте технологий, компетенции знаний, которыми к началу 21 века Китай обладает в полной мере. Катастрофически не хватает инвестиций для развития. И здесь появляется рынок для китайского финансового сектора.

Согласно статистике China Global Investment Tracker, ведущейся негосударственным исследовательским институтом США American Enterprise Institute, Китай с 2005 по 2021 года потратил почти 838,04 миллиардов долларов США на инвестиции и инфраструктуру в инициативу Шелкового пути [11]. При этом Казахстану досталось 35,29 миллиарда долларов США, Киргизстану – 4,73 миллиарда долларов США, Таджикистану – 2,63 миллиарда долларов США, Узбекистану – 7,7 миллиардов долларов США, Туркменистану – 13,87 миллиарда долларов США [11]. Следует отметить, что инициатива Китая максимально открыта для любых стран и в приоритете имеет взаимовыгодное экономическое сотрудничество. КНР не выставляет политических требований и не предлагает выстраивать дополнительные политические надстройки. Китай развивает сотрудничество в экономической и гуманитарной сферах. Под эгидой Китая была создана Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), которая занимается также вопросами региональной безопасности. Следует отметить, что Китай принципиально не возражает против интеграционных проектов, как под эгидой России (ЕАЭС, ОДКБ), так и под эгидой Турции (Организация Тюркских Государств – ОТГ). Таким образом, Китай постепенно замещает традиционное российское влияние в регионе и успешно проводит экономическую экспансию для реализации своих государственных интересов.

Начало 1990-х годов, совпавшее с периодом распада СССР, предоставило Турции возможность стать региональной державой и усилить свое влияние в Транскаспийском регионе и Центральной Азии. Центральные-азиатские страны оказались в поиске своей идентичности. И здесь привлекательной стала

турецкая политическая модель, сочетающая в себе традиционные исламские ценности, демократическую политическую систему, социально ориентированную экономику на рыночной основе. Важным фактором оказалась этническая близость многих центрально-азиатских стран с народом Турецкой Республики. Турция стала центром притяжения и международным лидером движения народа Турана, который представляет из себя «тюркский мир» в широком смысле. По мнению российских исследователей В.А. Аваткова и А.И. Сбитневой «...Турция становится одним из региональных центров силы с заявкой на надрегиональное лидерство...» [1.С.293]. Следует полагать, что изначально это движение объективно оппонирует российским интеграционным проектам, а с учетом прохождения международных транспортных коридоров, снижает роль России в Центральной Азии.

Первоначально Турция сделала ставку на мягкую силу. Д.Б. Казаринова отмечает: «Во внешнеполитических процессах изменения, связанные с ростом глобальной взаимозависимости и трансформациями внутри национальных государств, сказываются в первую очередь в смещении акцентов: все более заметен переход от использования традиционной силы как совокупности военно-политической и экономической мощи для достижения политического интереса к силе мягкой. «Мягкая сила» подразумевает способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, она призвана привлечь потенциального противника на свою сторону или нейтрализовать его мирными средствами. В основе «мягкой силы» лежат такие социокультурные доминанты, как культура, ценности, идеи, символы, мифы» [3.С.5].

Началась широкая популяризация турецкого языка, формирование новой тюркской идентичности на культурном и религиозном единстве [7. С. 607.]. Турция открыла свои университеты и медресе для студенческих программ стран

Центральной Азии и Азербайджана, военные университеты открылись для молодых офицеров из этих же стран. Не меньшее значение имели культурные и визовые программы. И сейчас Стамбул и города Турции заполнены молодежью из Центральной Азии, Азербайджана и даже России. Несмотря на экономические трудности, Турция развивает гуманитарную поддержку региона. Для проведения широкой экспансии турецкого мира Анкара создала ряд организаций. Прежде всего, это Организация тюркских государств (ОТГ) и целый ряд институтов и НКО, связанных с ней. ОТГ стала поистине международной организацией, участвовала в урегулировании Карабахского кризиса, событий в Казахстане, Кыргызстане, Афганистане. В составе этой организации есть международная организация тюркской культуры, парламентская ассамблея, международная тюркская академия и фонд тюркской культуры и наследия. В конфликтном регионе Центральной Азии она занимается вопросами политического диалога, культурных взаимодействий.

Вопросами культуры занимается Институт Юнус-Имре, а популяризацией образования занимается Фонд Маариф. НКО «Управление по делам турок за рубежом и родственных общин» занимается продвижением концепции Турана и единством тюркских народов. А религиозным направлением заведует Управление по делам религии. Третий блок организаций представляет Турецкое Агентство по международному сотрудничеству и развитию. Оно широко действует на территории всего мира и, безусловно, в Транскаспийском регионе и Центральной Азии [4].

Важным фактором повышения влияния Турции является экономическое взаимодействие. Анкара рассматривает этот регион, как самый перспективный для инвестиций в экономику и международные транспортные коридоры. Турция наряду с Китаем весьма заинтересована в развитии ЭПШП и поиска в этих коридорах своих интересов. Таким образом, она является естественным конкурентом

российскому влиянию. Для стран Центральной Азии и Кавказа эти проекты помогают преодолеть транспортную изолированность. Уже в декабре 2018 года турецкие инвестиции превысили отметку в 85 миллиардов долларов США, что сопоставимо с вложениями Китая [4]. Повсеместно в Центральной Азии Турция участвует в ряде масштабных транспортных проектов. Анкара построила международный аэропорт в Ашхабаде, на берегу Каспия возведен порт Туркменбаши, важная часть ЭПШП. В 2020 году турецкий холдинг «TAV Airports» приобрел 100% акций аэропорта Алматы, самого большого города Казахстана [9].

Турция имеет не менее амбициозные планы и на будущее. После ухода США из Центральной Азии Анкара вместе с Пекином реализует проект Транскаспийского транспортного коридора, который соединит страны Центральной Азии, Кавказа через Турцию с Западной Европой. Безусловно, регион интересен Турции для экспорта промышленной продукции и диверсификации поставок энергоносителей. Турция предлагает Западной Европе увеличить поставки казахстанской нефти по трубопроводу Баку – Тбилиси – Джейхан и туркменского газа через Трасанатолийский газопровод. Сюда же приходит российский Турецкий поток, газ и нефть Азербайджана, а в перспективе, энергоносители из Восточного Средиземноморья.

Удивительным образом военные действия в Карабахе совпали с завершением Южного Газового Коридора (ЮГК) от туркменского берега Каспия через Азербайджан, зону конфликта, Грузию, Турцию и далее в Европу. ЮГК состоит из Трансанатолийского газопровода TANAP и Трансадриатического газопровода TAP, которые готовы выйти к 2023 году на полную мощность (Балканы, Южная Европа). Парвиз Шахбазов, министр энергетики Азербайджана, планировал покрыть уже в 2021 году 33% газовой потребности Болгарии, 20% – Греции, 13% – Италии. Он также утверждает, что ЮГК планирует активное расширение:

«Мы и наши партнеры создаем новую карту Евразии, поощряющую геоэкономическую среду и устойчивое развитие, глобальное сотрудничество. Завершив первый этап ЮГК, думаем над очередной фазой. На втором этапе будет обеспечена добыча азербайджанского газа на неразработанных месторождениях, что создаст новые транзитные возможности для новых поставщиков» [2].

Президент Азербайджана Ильхам Алиев пообещал задействовать все азербайджанские месторождения с подтвержденным дебетом 2,6 триллионов кубометров газа. Министр энергетики Турции Фатих Денмез подтвердил также договоренность Баку и Ашхабада о совместном освоении месторождения Даствук («Дружба»). 30 лет его освоение было камнем преткновения между Туркменистаном и Азербайджаном. Фактически, это свидетельствует о начале совместного освоения нефтегазовых месторождений Азербайджана и Туркмении под патронатом Турции. Первые объемы Туркменской нефти, добываемой на месторождении Окарем, пойдут по трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан.

Ранее из-за территориальных споров они шли через Махачкалу и Новороссийск [2].

Ведутся переговоры о возобновлении строительства подводного Транскаспийского газопровода. Напомню, что эти проекты выдвигались еще США и Евросоюзом. Однако, их реализация начинается под патронатом Турции при большой заинтересованности Европейского Союза. Азербайджан предлагает на первом этапе создание связывающей трубы «Интерконнектор» между месторождениями, а затем и полноценных газопроводов. Баку, Анкара и Ашхабад активно предлагают Европе взаимовыгодное экономическое сотрудничество.

Следует отметить, что экспорт энергоносителей из Центральной Азии и Азербайджана в Западную Европу в обход России через Турцию является важнейшим вызовом для

нашей страны. Это свидетельствует о существенном геополитическом успехе Турции.

Вслед за экономическим, культурным, гуманитарным проникновением, стремительно укрепляется военное взаимодействие. Речь идет в основном о двухсторонних договорах, которые вышли на новый уровень с начала 2020 года. Уже активно прорабатывается мысль о создании армии Турана. Объединение мыслится, как военный блок с участием тюркских государств и Таджикистана. Это, безусловно, противовес ОДКБ. Уже сейчас существует Организация евразийских военных правоохранительных органов, где состоят Турция, Азербайджан, Киргизия и Монголия. Рассматривает вступление в неё и Казахстан.

Задачей этой организации является борьба с преступностью, терроризмом и контрабандой. Резко усилилось военно-политическое сотрудничество Турции, Центральноазиатскими странами после возобновления Карабахского конфликта в 2020 году. Еще в самый разгар боев министр обороны Турции Хулуси Акар подписал с Казахстаном и Узбекистаном договор о стратегическом партнерстве. Очевидно, что создание военнополитического блока стало фактом. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу совершил ряд поездок в Узбекистан, Таджикистан и Киргизию. Также состоялся визит президента Казахстана Касым-Жомарт Токаева в Анкару. Во время этого визита Токаев выступил с речью, где обозначил свои внешнеполитические взгляды на рост регионального влияния Турции на Центральную Азию: «Для Казахстана Турция является одним из самых важных и надежных партнеров на Евразийском континенте. Отношения между нашими странами и народами, основанные на общих истории и духовном наследии, продолжают развиваться и выходят на уровень стратегического партнерства» [10]. На брифинге он особенно подчеркнул важность Транскаспийского логистического маршрута для перевозки грузов и

энергоносителей, который соединяет Турцию и Казахстан. По итогам встречи было подписано 14 меморандумов и соглашений, затрагивающих транспортно-логистическую, торговую, гуманитарную, информационную и особенно чувствительную военную сферу [10]. Фактически, Казахстан становится якорным союзником Турции в Центральной Азии, что свидетельствует об ослаблении российского влияния.

Важным фактором «мягкой силы» Турции в Центральной Азии является стратегическое партнерство Турции и Пакистана. Ему уже более ста лет. Пакистан поддержал Турцию во время войны за независимость. Он тогда носил условное название «Мусульмане Индии». Модернизированная Турция не забыла финансовую и военную помощь. И это стало основой крепких межгосударственных отношений. До 2016 года они развивались в традиционных формах, в основном в военных сферах. Оживил давнее сотрудничество китайский проект «Один пояс – один путь» [6]. Ключом к стабильности Центральной Азии, а значит, и к успехам ЭПШП, является Афганистан. Регионализация афганской проблемы требует поиска механизма стабилизации Афганистана без участия США и Европы. Похоже, Пакистан и Турция нашли в афганской проблеме дополнительные точки соприкосновения. Северные провинции Афганистана заселены таджиками и узбеками, южные провинции – пуштунами.

После террористических актов 11 сентября 2001 года США ввели войска в Афганистан. Это событие положило начало практически двадцатилетнему военному присутствию Америки в самом сердце Евразии. За этим последовал ввод войск в Ирак. И это существенно переформатировало геополитический статус кво. Когда войска США находятся за пределами «западного мира», вслед за их выводом обычно наступает хаос и появление нового расклада сил, не всегда более позитивного, чем предыдущий. Если рассматривать военное присутствие с точки зрения международных транспортных коридоров, то следует отметить, что

присутствие в Афганистане американских войск имело только положительное значение.

Были построены несколько железнодорожных веток, повторявших так называемый «Нефритовый путь», часть исторического Шелкового Пути, туннели, мосты, аэродромы, логистические центры. Евросоюз даже стал рассматривать Афганистан в качестве составной части центрально-азиатских маршрутов проекта ТРАСЕКА. Заработали логистические коридоры через Пакистан, Каспий, Кавказ, Иран, Турцию и даже Россию. Рост военного и идеологического влияния в Центральной Азии обеспокоил Москву, Пекин и Тегеран. По мнению политолога Дмитрия Тренина «...размещение войск в Афганистане и Ираке сделало США доминирующей державой Евразии» [8]. Уход США из Афганистана 31 августа 2021 года в определенном смысле завершает целую эпоху. Афганский кризис, бывший ответственностью сверхдержавы, становится региональной проблемой. «АльКаида» (1), обвиненная в терактах 11 сентября 2001 года, была быстро разбита. Однако, к сентябрю 2021 года к власти в Кабуле пришло движение «Талибан» (1). Следует отметить, что в Афганистане остаются ячейки «Исламского Государства» (1) и Кабульский режим с удовольствием принимает в свои ряды его боевиков, выбитых из Ирака и Сирии. Фактически, США оставляют Центральную Азию наедине с этими проблемами.

Россия, считающая этот регион своей чувствительной зоной, связанной с ней международными транспортными коридорами, безусловно заинтересована в Афганском урегулировании, наряду с Ираном, Пакистаном, Китаем и Турцией. Центрально-Азиатские режимы сами обладают большими объемами внутренних и внешних проблем. И достаточно афганской спички, чтобы они дестабилизировались. Помимо этого, Афганистан – центр производства и распространения международного наркотрафика. Основные потоки запрещенных веществ переправляются в Россию через Таджикистан и Узбекистан. После ухода США ситуация

усугубилась. Фактически, «Талибан» (1) организовал децентрализованное управление провинциями местными ячейками. Для получения прибыли эмиры провинций увеличили посев маковых культур. Ситуация усугубилась в феврале 2022 года. Начальник Генштаба нынешнего Кабульского режима Кари Фасихуддин Фитрат объявил о формировании ударной дивизии «Омар Салис» в провинции Бадахшан на границе с Таджикистаном и корпуса «Аль-Фарук» в провинции Бадгис на границе с Туркменистаном [5]. Следует отметить, что в означенных провинциях проживают сотни этнических таджиков и узбеков, которые воевали в отрядах радикалов в ходе гражданской войны в 90-х годах XX века.

В ходе свержения проамериканского президента А. Гани эти боевики сражались на стороне «Талибана» (1). Также по мнению нынешнего Кабульского режима, Таджикистан и Узбекистан укрывают сторонников президента Гани. На это среагировал президент Таджикистана Эмомали Рахмон, в регионе военную активность и эти утверждения рассматривают, как угрозу. Он призвал организацию договора коллективной безопасности ОДКБ создать пояс безопасности вокруг Афганистана. Он также предполагает, что Кабул не контролирует все фракции децентрализованных движений радикалов, и опасается внешнего и внутреннего конфликта. Следует отметить, что у боевиков в северных афганских провинциях есть отличное американское оружие и большой боевой опыт.

России предпочтительнее использовать дипломатические методы и политический инструментарий, избегая военного решения. В 1990-е годы Москва и центрально-азиатские страны опирались на Северный альянс афганских таджиков и узбеков. Он контролировал северные провинции, которые были буферной зоной. После ухода США ситуация кардинально изменилась. Фактически, северные провинции контролируются враждующими фракциями и радикальными

группами, вождями племен и наркоторговцами. Придется иметь дело и с центральным правительством, и с регионами.

6 сентября 2022 года на посольство России в Кабуле было организовано нападение. Террорист-смертник убил двух сотрудников посольства, десятки человек были ранены. Таким образом, очевидно, что Афганистан становится на путь дестабилизации, что безусловно отразится на Центральной Азии. Также очевидно, что Россия утрачивает свое влияние и в Афганистане.

Есть еще одна очень важная региональная проблема – это территориальные конфликты. Возникают они по нескольким причинам. Это сложная конфигурация границ (отсутствие демаркации, существование анклавов), высокая плотность населения на привлекательных для жизни территориях. В настоящий момент существуют два затушенных, в том числе при посредничестве России, конфликта: таджико-киргизский и казахско-узбекский. Возможная эскалация со стороны афганских радикалов, безусловно обострит эти конфликты, что может существенно повлиять на стабильность политических режимов. Также следует отметить, что в январе 2022 года Россия уже была вынуждена вмешиваться, используя механизмы ОДКБ, в конфликтную ситуацию в Казахстане. Но это не помогло сохранить позиции РФ в регионе.

Таким образом, восходящий тренд на регионализацию, уход из региона США и ослабление позиций РФ в Центральной Азии предоставляют Турции и Китаю увеличивающиеся возможности для реализации своих интересов. Анкара приобрела стратегического партнера в лице Казахстана, и ее военно-политическое значение в регионе возрастает. Турция и Пакистан могут создать тандем, заполняющий образовавшийся вакуум после ухода западной коалиции. Очевидно, активизация Анкары при взаимодействии с Исламабадом в Центральной Азии связана с взаимным влиянием на Кабульское правительство. Миротворческий

проект Турции и Пакистана, предоставление соответствующих гарантий объективно ослабляет позиции России в Центральной Азии. Китай, обладающий мощным экономическим и военным потенциалом, также усиливает свои позиции в регионе. Россия, стремительно теряющая свое влияние в Центральной Азии, пока не может ответить на эти вызовы.

Примечания

(1) Организация, запрещенная в РФ.

Литература

[1]. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики - Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2022. Т. 24. No 2.

[2]. Информационно-аналитическое издание «Ритм Евразии» URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-02-16--vyhod-turcii-na-kaspij-perekraivaet-gazovujukartu-evrazii-53284>

[3]. Казаринова Д.Б., Коробка Д.С., Кутелева А.В., Кинякин А.А., Сарымова Н.И., Зубкова А.И. Мягкая сила в глобальной политике. Часть I. региональное измерение. Материалы «Круглого стола» сотрудников Российского университета дружбы народов. – Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2012.

[4]. Лукьянов Г., Кулиева Н., Миронов А. Политика Турции в ЦА: обоснованы ли амбиции? 04.02.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-vtsa-obosnovany-li-ambitsii/>

[5]. Наджибулла Ф., Сарвар М. Талибы разместили войска у границ Центральной Азии. Соседи обеспокоены. 18.02.2022. URL: <https://rus.azattyq.org/a/taliban-troops-central-asiaborders-stability/31708795.html>

[6]. Озер Э. "Афганский проект" сближает Исламабад и Анкару. 24.03.2021. URL: https://www.ng.ru/ideas/2021-03-24/7_8110_coalition.html

[7]. Саримсоков З. Тюркский фактор в политике мягкой силы Турции в отношениях со странами Центральной Азии - Постсоветские исследования - 2020. № 7.

[8]. Тренин Д. Афганистан после США. Что ждет Россию и Центральную Азию. 14.07.2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84958>

[9]. Усенов А. Турция в Центральной Азии: влияние и лимиты. 13.07.2021. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21989/turczija-v-czentralnoj-azii-vliyanie-i-limity>

[10]. Официальный сайт Президента Республики Казахстан 10.05.2022 URL: <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-i-redzhep-tayip-erdogan-dogovorilis-vyvestivzaimootnosheniya-mezhdu-kazahstanom-i-turciey-na-uroven-rasshirennogo-strategicheskogopartnerstva-1045142>

[11]. China Global Investment Tracker. URL: <https://www.aei.org/china-global-investmenttracker/>